

Очерки С.М. Городецкого о Западной Армении как структурно-семантическое единство (на материале публикаций в газетах «Русское слово» и «Кавказское слово»)¹

Исследованы очерки С.М. Городецкого, опубликованные в московской газете «Русское слово» и тифлисской газете «Кавказское слово» в период пребывания поэта на Кавказском фронте в 1916–1917 гг. Отмечено, что данная группа текстов содержит информацию о путешествиях, коллегах, гуманитарной деятельности Городецкого в Западной Армении и может быть использована в качестве источника сведений о его жизни в указанный период. Установлена относительная хронология описанных в очерках событий и показана их связь с тремя посещениями поэтом города Ван. Выдвинута гипотеза, что, несмотря на публикацию в различных периодических изданиях (столичной и региональной газетах), очерки Городецкого имеют ряд интегральных признаков и представляют собой структурно-семантическое единство. Показано, что исследуемые тексты имеют сквозной сюжет, связанный с путешествиями поэта и его работой в Союзе городов, общими событиями и героями. Выявлено, что очерки Городецкого, а также путевые заметки являются претекстами его художественных произведений, в частности книги стихов «Ангел Армении» и незаконченного романа «Сады Семирамиды». Сделан вывод об авторском осмыслении данной группы газетных публикаций как метатекста, близкого по своей целостности к художественному циклу.

Ключевые слова: С. Городецкий, Кавказский фронт, Первая мировая война, Западная Армения, путевой очерк, газета, трансформация текста.

The article examines S.M. Gorodetsky's essays published in the Moscow newspaper "Russian Word" and the Tiflis newspaper "Caucasian Word" during the poet's stay on the Caucasian Front in 1916–1917. It is noted that this group of texts contains information about Gorodetsky's travels, colleagues, humanitarian activities in Western Armenia and can be used as a source of information about his biography during this period. It is shown the relative chronology of the events described in the essays and their connection with the poet's three visits to the city of Van. The hypothesis is put forward that, despite publication in various periodicals (central and regional newspapers), Gorodetsky's essays have a number of integral features and represent a structural and semantic unity. It is shown that the texts under study have a cross-cutting plot related to the poet's travels and his work in the Union of Cities, common events and characters. It is revealed that Gorodetsky's essays, as well as travel notes, are the pretexts of his artistic works, in particular, the book of poems "The Angel of Armenia" and the unfinished novel "The Gardens of Semiramis". It is concluded that Gorodetsky interpreted this group of newspaper publications as a metatext, similar to an artistic cycle.

Keywords: S. Gorodetsky, Caucasian Front, World War I, Western Armenia, travel essay, newspaper, text transformation.

Литературная и журналистская деятельность С.М. Городецкого в период его пребывания на Кавказском фронте Первой мировой войны (1916–1917) интересна не только мировоззренческим переломом, который пережил поэт, ранее захваченный «ура-патриотическим угаром» и написавший «верноподданнический» сборник стихов «Четырнадцатый год» (1915) [1. С. 13], но и его художественно-публицистическими очерками, описывающими красоту Персии и Западной Армении, а также ужасы войны, с особой жестокостью развернувшейся на этой земле.

Между тем само решение отправиться на фронт имело у Городецкого журналистскую подоплеку. Достаточно вспомнить, что поэт едет на Кавказ в апреле 1916 г., с одной стороны, как представитель Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам (Согора) — общественной организации, занимавшейся также вопросами устройства беженцев, а с другой стороны, как сотрудник газеты «Русское слово». В своей автобиографии Городецкий писал по этому поводу: «Но удовлетворяться стихами мне было мало, и я, не будучи еще призван, пожелал увидеть войну и поехал на край Кавказского фронта, в Турецкую Армению, корреспондентом "Русского Слова", в которое я дал ряд статей» [2. С. 144]. Однако сотрудничество с газетой И.Д. Сытина продлилось

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН при финансовой поддержке РНФ (проект № 20-18-00003).

немногим более полугода: первый очерк Городецкого, описывающий его путешествие к персидскому городу Хою, вышел в «Русском слове» в начале июня 1916 г., а последняя его публикация на страницах этого издания — памфлет о жизни в Тифлисе «Тыл и тылок» — была напечатана в конце декабря 1916 г. Как вспоминал сам Городецкий, «после написания сатирического очерка “Три генерала” корреспонденции мои помещать перестали» [3. С. 13]. Названный очерк в «Русском слове» опубликован не был, и его текст остается неизвестным.

Вернувшись с фронта в Тифлис весной 1917 г., поэт начинает работать в газете «Кавказское слово», а уже в июле для него открывается специальная рубрика «Искусство и литература» [4. С. 35]. В течение 1917–1919 гг. Городецкий, по собственным словам, напечатал в газете «не менее сотни статей на культурно-литературные темы» [2. С. 144], что делает ее важным, хотя и недостаточно изученным периодическим изданием, содержащим информацию о творчестве поэта во время его пребывания в Закавказье. К сожалению, несмотря на наличие специальных работ [5–7], нельзя признать исчерпывающей и до конца выверенной библиографию публикаций Городецкого в «Кавказском слове», что объясняется неполными комплектами газеты в фондах таких ведущих российских библиотек, как БАН, РНБ, РГБ, ГПИБ и НБ ГАРФ.

Большой вклад в изучение журналистской работы Городецкого в тот период внесли армянские исследователи И.Р. Сафразбекян [8], Ю.С. Даронян [9] и в особенности А.А. Закарян [4; 10], подробно проанализировавший не только художественно-публицистические очерки поэта в «Кавказском слове», но и его литературно-критические статьи, а также культурно-просветительскую работу (выступление с лекциями, организацию тифлисского «Цеха поэтов» и др.). Однако их внимание в первую очередь было сосредоточено на изучении публикаций Городецкого в региональной периодике, в то время как очерки, написанные в период войны для «Русского слова», освещались в меньшей степени. Исключение — «Разоренный рай» (1916), включенный И.Р. Сафразбекян в сборник «Об Армении и армянской культуре» (1974) вместе с очерками из цикла «В стране ручьев и вулканов», публиковавшимся в «Кавказском слове» в июле — сентябре 1917 г.

Подобное решение, вполне оправданное тематически (все эти тексты описывают пребывание Городецкого в освобожденном русскими войсками городе Ван, где проходила его работа в качестве сотрудника Согора), в дальнейшем привело к размыванию границ названного цикла в работах исследователей, опирающихся на указанное издание. Так, Ю.С. Даронян пишет, что путевые очерки под заглавием «В стране ручьев и вулканов» печатались «в 1916–1917 гг. в газетах “Русское слово” и “Кавказское слово”» [9. С. 32]. Это же утверждение повторено в примечаниях сборника «Жизнь неукротимая» (1984) [1. С. 247], вышедшего по случаю столетия со дня рождения поэта. Точку в этом вопросе ставит А.А. Закарян, четко разграничивая публикации в «Русском слове» и «Кавказском слове». Только к последней газете исследователь справедливо относит цикл «В стране ручьев и вулканов», состоящий из 11 очерков Городецкого (причем первые три «изначально не были напечатаны под этим общим заглавием» [4. С. 25]): «Спящие вулканы», «Голубые берега», «Город призраков», «Древности Вана», «Ванские портреты», «Ванский губернатор», «Золотые вечера», «Храмы Ормузда, Христа и Аллаха», «Бегри-бек и курды», «Жизнь неукротимая» и «Ночной отход»². Помимо этого, как отмечает ученый, в июне — июле 1917 г. в «Кавказском слове» были напечатаны очерки Городецкого, содержащие его «впечатления о Персии — материалы, которые малоизвестны не только широкой публике, но и исследователям творчества русского поэта» [Там же. С. 25].

Вместе с тем произошедшее в научных работах расширение границ цикла и включение в него текстов, опубликованных в разное время в столичной и региональной газетах, весьма симптоматично. Оно показывает, что, не являясь авторским циклом, данные тексты обладают определенной общностью признаков — тематических, стилистических, жанровых, позволяющих объединить их в одно метатекстовое образование (подробнее об этом термине см.: [11]). Как отмечает

² Благодарю М.С. Шавлинского за помощь в поиске и сверке de visu публикаций Городецкого в «Кавказском слове».

А.А. Холиков, «художественная циклизация не единственная возможность в образовании структурно-семантических единств, в состав которых входят как художественные, так и нехудожественные (публицистические, документальные и др.) тексты» [12. С. 90]. Интересующие нас тексты Городецкого, репрезентирующие различные формы взаимодействия литературы и журналистики, на наш взгляд, представляют собой структурно-семантическое единство. Его можно условно назвать «закавказским», или «восточным», циклом художественно-публицистических очерков, поскольку их география включает в себя территорию современных Грузии, Армении, Турции и Ирана. Действительно, все они описывают впечатления автора от увиденной природы, архитектуры, костюмов, утвари и национальных обычаев народов данного региона (армян, курдов, айсоров, персов), а также портреты встреченных Городецким людей, включая его коллег по Согору.

Эти очерки, будучи художественной обработкой путевых дневниковых заметок, частично сохранившихся в архиве Городецкого³, помимо историко-документального и этнографического значения, имеют и литературоведческую ценность. Во-первых, они дают богатый материал о путешествиях поэта и его гуманитарной деятельности на фронте, помогая подробно проследить события его жизни в тот период; во-вторых, позволяют увидеть, как менялось отношение Городецкого к войне и руководству царской армии; в-третьих, раскрывают «творческую лабораторию» автора, поскольку отраженные в очерках впечатления впоследствии стали основой для его художественных произведений — книги стихов «Ангел Армении» (1918), романа «Алый смерч» (1928) и неоконченного романа «Сады Семирамиды», впервые опубликованного в 1971 г.

Цель настоящей статьи — доказать структурно-семантическое единство очерков Городецкого, опубликованных им в газетах «Русское слово» и «Кавказское слово» в 1916–1917 гг., а также продемонстрировать их связь с его биографией и художественным творчеством. Для этого прежде всего постараемся выстроить маршрут поэта и хронологию его путешествия, опираясь как на его мемуарные тексты, так и на интересующие нас очерки.

Газета «Кавказское слово» 15 апреля 1916 г. сообщала: «На днях приезжает в Тифлис поэт Серг<ей> Митр<офанович> Городецкий, который будет работать в организациях союза городов в персидском районе» [13. С. 5]. Однако, как отмечает А.А. Закарян, в номере от 21 апреля поэт публикует посвященное Ованесу Туманяну стихотворение «Армении», указывая дату и место написания: «13 апреля 1916 г. Тифлис» [14. С. 3]⁴. Следовательно, прибытие Городецкого в город, как и знакомство с известным армянским поэтом, посоветовавшим сотруднику Согора заняться в Ване устройством приюта для осиротевших детей, состоялось не позднее 13 апреля. Наконец, 20 апреля Городецкий отправляется поездом на фронт, отмечая в дневнике: «IV. 21 (первоначально было написано 20) в 5 ч. — Увидел — Арарат» [4. С. 25].

За время своего пребывания на фронте поэт трижды посетил Ван, о чем он упоминает в одном из очерков «Кавказского слова»: «В третий раз подъезжал я к Вану и опять по-новому волновался: в первый раз мою возбужденную ванскими легендами фантазию манила новизна, во второй раз было страшно потерять в повторности силу и прелесть первого впечатления, а теперь я уверенно, как от старого друга, ждал от Вана новых духовных радостей» [16. С. 2]. Третье посещение оказалось последним: в конце 1916 г. Городецкий был вынужден на несколько месяцев покинуть Кавказ из-за перелома ноги. Позднее он вспоминал: «В начале февраля 1917 г., после лечения в Петрограде, я вернулся в Тифлис, но Ван уже был не наш, и я поехал в Персию, откуда незадолго до шамхорского предательства вернулся в Тифлис, где пробыл до конца 1919 года» [8. С. 189–190] (упоминание поездки 1917 г. «в разоренный дотла и опустевший Ван» [Там же. С. 89] из посвященной О. Туманяну статьи 1958 г., по-видимому, стоит признать позднейшей абберрацией памяти).

Обращение к автобиографии Городецкого помогает соотнести его поездки с описывающими их группами очерков. В одной из своих мемуарных записей он пишет: «Местом моей работы был г. Ван,

³ См.: Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца (Ереван), архив С. Городецкого.

⁴ Это же стихотворение вскоре было опубликовано в московском журнале «Армянский вестник» [15. С. 4].

к которому я проезжал по всем трем возможным дорогам: из Джульфы через Хой и Котурское ущелье, из Игдыря через Суванан и Паиз⁵ и из Урмии через Башкалу и Хошаб» [2. С. 144]. Логично, что каждый из названных транспортных путей был использован Городецким при очередном посещении Вана.

Первое путешествие в апреле — мае 1916 г. поэт совершил через Джульфу, Хой и Котурское ущелье, о чем рассказал на страницах «Русского слова»:

Мы переехали Аракс. Мелькнул мулла на осле, мелькнула персидская таможня с беспомощно улыбающимися персидскими чиновниками, — и началась Персия, страна небытия, страна мечтаний за кальяном, страна сладостей и сна. <...> Время от времени вздымается с земли пыльный смерч и блуждает в пустыне. Пестрой вереницей тянутся беженцы, возвращающиеся назад, на свои места, в Армению. Восемьдесят с лишним верст такого пути от Джульфы, пограничной станции русской железной дороги, до Хоя, персидского губернского города, столицы ханлака того же имени [17. С. 2].

Из Хоя Городецкий отправил письмо Туманяну 24 апреля: «Я все еще не в Армении, не у вулканов, Сипан и Нимруд еще не радуют моих глаз. Но и Персия, как сказка <...>» [8. С. 181].

Второй очерк в «Русском слове» продолжает описываемый маршрут:

Из Турции в Персию, зародившись на отрогах Нермита, мчится веселый Котур. <...> Колыбель Котура — Котурское ущелье <...>. Ущелье раздвигается, горы одна за другой подставляют широкие, лысые спины. <...> Вот и первый турецкий город Сарай. <...> А горы опять понижаются, их очертания становятся все мягче и ленивей <...>. И вдруг ярко-синим треугольным лоскутком сверкает между горами Арчак — тихое озеро. <...> От Арчака один перегон до Вана [18. С. 5].

Как видим, поэт довольно подробно описывает свое путешествие, соответствующее одному из упомянутых в автобиографии маршрутов, а его публикации объединяются сквозным сюжетом, что характерно для метатекстовых образований. Не случайно события следующего очерка, напечатанного в газете спустя два дня, происходят уже непосредственно в Вана и описывают рабочий день сотрудников Союза городов: «Согорский проспект — центр воскресающей жизни Вана; ось, вокруг которой вращается новая жизнь; рычаг, который ее поднимает» [19. С. 2].

Не возникает затруднений с определением времени и маршрута третьего посещения Вана Городецким, поскольку ему по большей части посвящен цикл «В стране ручьев и вулканов». Открывающий его очерк «Спящие вулканы» предваряется небольшим вступлением, выполняющим функцию метатекстового предисловия:

Осенью прошлого года я совершил служебную поездку в Ван. Нужно было восстановить разрушенный июльским отступлением район, наладить пути к нему, поставить дело санитарной и продовольственной помощи беженцам. <...> Три месяца провел я в ежеминутных заботах о насущном. Но, подробно вспоминая теперь это время, я вижу, что рядом с миром вещей, которому я весь был отдан, во мне и вокруг меня жил другой, огромный и прекрасный, как нескончаемая поэма, мир. <...> Про эту таинственную мою с чудесным миром жизнь хочу рассказать: в памяти она яснее, чем была наяву [20. С. 2].

Обозначив таким образом описываемое время действия цикла («три месяца»), далее поэт начинает повествование:

Восемнадцатого сентября, в десятом часу утра, я выехал верхом, один, из Игдыря. <...> Беспомощно торчит пограничный столб: я в Турции. Долина вся голубая — бирюзовый пьедестал Арарата. А в глубине ее видны серо-стальные зубцы скал, на которых загнездилась театральная красота крепость Баязет. <...> Едва отъезжаем от Бергри-Калы, еще не забыв прежних вулканов, перед нами вдруг является новый — снежный, стройный Сипан. Еще Ванского озера не видно, а он уже встал и сияет [Там же].

Начало следующего очерка, «Голубые берега», продолжает описание того же маршрута: «На переломе осеннего дня, в пятом часу я подъезжал к Панзу — первому селению на берегу Ванского озера. <...> Кое-как добираемся до Шахбаги — последней деревни над Ваном. <...> При въезде с этой стороны в Ван стоят Кеприкейские скалы человечески живой группой» [16. С. 3]. Все последующие части цикла посвящены описанию самого Вана, его истории, древностей

⁵ Вероятно, опечатка; на данном маршруте известно селение Панз (Баз), находящееся на берегу озера Ван. Городецкий несколько раз упоминает его в очерках.

и современной жизни, а завершается он очерком «Ночной отход», ярко рисуя картину ночной эвакуации города и отступления в середине ноября 1916 г.:

Вдруг утром 13 ноября раньше обыкновенного врывается Гермес с круглыми глазами. Турки пришли, взяли Ардамет, через час здесь будут. <...> Город опустел, как выметенный. Ушел Красный Крест и военные обозы. В сумерки я эвакуировал больных и детей. Во всех дворах зданий копали ямы, чтобы прятать инвентарь и овощи. Только напряженная нервная работа позволяла не замечать в себе тяжелой каменной тоски и стыда [21. С. 2].

Если опираться на воспоминания Городецкого, то второе путешествие в Ван он должен был совершить по маршруту «из Урмии через Башкалу и Хошаб» [2. С. 144]. Его описание находим в двух следующих очерках, напечатанных в «Русском слове» в конце августа 1916 г.:

Воздушными, голубыми и золотыми красками окутана вся дорога от Хоя в Дильман. Лазурной полоской сверкает вдали Урмийское озеро. <...> От Дильмана до Ханесура и до Деера вплоть до Башкалы осели айсоры вокруг пунктов всероссийского союза городов [22. С. 5].

За ущельем, между Деером и Башкалой, перед нами мощно распахнулось чудесное плоскогорье. <...> Мы приближаемся к Хошабу. Прямо перед нами высоко разносится зубчатая остроконечная сказка. Сливаясь с ней, ползут по ней стены крепости, и наверху, над отвесом, стоит стройный, как готические соборы, детинец крепости [23. С. 5].

Следующая публикация Городецкого в столичной газете выйдет только в конце октября и будет описывать тяготы и горечи июльского отступления, что косвенно указывает на краткость его второго посещения Вана:

...в конце июля хлынул поток битлисских, мушских и ванских беженцев к России, в середине августа докатился до Игдыря и отхлынул обратно, в начале сентября обратная волна пришла назад к Вану. Вот и всё. Прилив и отлив беженцев. Но надоевшим словом «беженцы» не спастись от библейских картин отхода, и всякому, кто не хочет зарывать голову в песок, спасаясь от впечатлений, надо хоть отдаленно почувствовать эти картины [24. С. 2].

То, что Городецкий был свидетелем и участником июльского отступления, подтверждают и его публикации в «Кавказском слове». Так, в очерке «Ванский губернатор» он пишет:

...25 июля генерал Тетушкин (командир Ванского отряда генерал П.П. Воронов. — А. Ф.) уложил свои чемоданы и ковры. А 28 июля эвакуировал Ван. Самочинно и беспричинно. <...> Приказ об эвакуации учреждений союза городов я получил от него в следующей юмористической форме: «Я вам приказа не отдаю, но частным образом говорю, что чем скорее вы уйдете, тем лучше» [25. С. 2].

Описание внезапной эвакуации встречаем и в очерке «Жизнь неукротимая»:

Помню, июльское отступление началось ночью, и во тьме не было видно всей картины. Мы, пройдя сколько-то верст, заснули часа на два перед рассветом на кучах самана в какой-то деревне. <...> Проснувшись — еще не всходило солнце, но было уже светло — я увидел все. Пока мы спали, беженцы обогнали нас и толпами брели в гору [26. С. 2].

Второе прибытие Городецкого в Ван, как и отъезд, по-видимому, также состоялось в июле 1916 г. На это указывает его очерк о курдском вожде Бегри-беке, опубликованный в сентябре 1917 г. в «Кавказском слове»: «Я хорошо запомнил его лицо, когда рисовал его, впервые его увидел, в июле прошлого года, в его вотчине — Хошабе» [27. С. 2]. Из более раннего очерка «Русского слова» мы знаем, что это произошло во время путешествия в Ван через Башкалу и Хошаб, когда Городецкий вместе со своими спутниками встретился с группой курдов: «Я быстро набрасываю портрет Бегри-бека. Курдский вождь пугается того, что я нарисовал его портрет, и спрашивает, зачем это. В ответ я показываю ему виды знакомых ему мест» [23. С. 5].

Однако данная датировка расходится с другим утверждением Городецкого, упоминающего в очерках этнографическую экспедицию в Ванскую область востоковедов Н.Я. Марра и И.А. Орбели в 1916 г. «Мне не везет: я три раза, и подолгу, был в Ване, и ни разу мое пребывание не совпало с пребыванием там Марра», — сокрушается автор. И, описывая далее древнюю цитадель на Ванской скале, замечает: «Когда я был в первый и второй раз в Ване, на этом склоне виднелись две ниши, вернее, полукруглые их верхушки. Когда я был в третий раз, это место было раскопано

Марром и Орбели и грандиозный памятник открывался взору» [28. С. 2]. Учитывая, что «все участники экспедиции прибыли в город Ван 10 июня и выехали оттуда 24–26 июля» [29. С. 40], а сам Марр в отчетном докладе указывал, что раскопки на Ванской скале были завершены 16 июля [30. С. 3], трудно представить, что Городецкий был в то время в городе и не знал о проведении археологических работ. Скорее, можно предположить, что поэт прибыл в Ван незадолго до завершения этнографической экспедиции и в пылу подготовки города к отступлению не успел осмотреть обнаруженный петроградскими учеными памятник.

Таким образом, обращение к публикациям Городецкого в «Русском слове» и «Кавказском слове» как к структурно-семантическому единству помогает не только восстановить хронологию его ванских путешествий, но и связать с ними конкретные тексты, что особенно важно в случае с московской газетой, печатавшей корреспонденцию поэта с нерегулярной периодичностью. Например, если очерк «Встреча с курдами», опубликованный в «Русском слове» в № 201 от 31 августа 1916 г., описывает июльские события (второе путешествие в Ван и знакомство с Бегри-беком), то в очерке «Песни курдов» (1916. 16 ноября (№ 265)), где представлен выполненный Городецким перевод семи народных песен, запечатлена его ноябрьская встреча с курдским князем. Однако понять это можно, только обратившись к очерку «Бегри-бек и курды», опубликованному в «Кавказском слове» в № 197 от 3 сентября 1917 г.:

В начале ноября прошлого года я встретил его в Ване, на базаре. Он сидел в лавочке и курил. Мы поздоровались, я пригласил его к себе. Он сказал, что он не один. Я пригласил всю его свиту. <...> Среди них был певец. После обеда Бегри знаком пригласил его петь. Это было заунывное, восточное, с гортанными звуками пение. Я старался уловить ритм, и каждую песню Бегри переводил дословно на турецкий язык, а мой знакомый <—> на французский. Так я понимал их. Тут были и эротические, и политические песни. Я их опубликовал в «Русском Слове» в своем переводе [27. С. 2].

Можно заключить, что опубликованные в «Русском слове» очерки «Хой» (1916. 7 июня (№ 130)), «Разоренный рай» (1916. 29 июля (№ 175)) и «Согорский проспект» (1916. 31 июля (№ 175)) описывают первую поездку Городецкого в Ван; очерки «Чада Мар-Шимуна» (1916. 23 августа (№ 194)), «Встреча с курдами» (1916. 31 августа (№ 201)) и «Библейские беды» (1916. 30 октября (№ 251)) — вторую; очерки «Песни курдов» (1916. 16 ноября (№ 265)) и «Капитан Ч.» (1916. 17 ноября (№ 266)) — третью, а завершающий список публикаций поэта в газете сатирический очерк «Тыл и тылок» (1916. 23 декабря (№ 296)) был создан уже после ноябрьского возвращения в Тифлис. В свою очередь, опубликованный в «Кавказском слове» цикл из 11 очерков «В стране ручьев и вулканов» сосредоточен вокруг третьего посещения Вана, но также содержит воспоминания автора о более ранних событиях и как бы подводит итог работе Городецкого в Союзе городов и его знакомству с Западной Арменией.

Пребывание русского поэта на Кавказском фронте нашло отражение и в художественном творчестве. Как замечает А.А. Закарян, «С. Городецкий под непосредственным впечатлением от трагической действительности, от увиденного и пережитого в мае — июне 1916 г. написал ряд стихотворений под заглавием “Песни рая” и под эпитафией “На небе рай, на земле Ван”» [4. С. 85]. Именно этот цикл, состоящий из восьми стихотворений и опубликованный летом 1916 г. в № 21 и 25 московского журнала «Армянский вестник», составил основу будущей книги «Ангел Армении», в которую вошли 12 стихотворений (они подробно проанализированы в упомянутых исследованиях [4. С. 85–92; 9. С. 12–32]). Так, впервые на ее страницах было напечатано стихотворение «Арчак», описывающее разрушенное войной селение, которое Городецкий увидел во время первой поездки в Ван. Благодаря тому что поэт зафиксировал свои впечатления в записной книжке, а позднее отразил их в газетных публикациях, можно проследить трансформацию текста от эгодокумента к двум газетным очеркам и лирическому произведению.

Согласно путевым заметкам, Городецкий приехал в селение Арчак, находящееся на берегу одноименного озера, днем 2 мая 1916 г.:

V.2. <...> 4 дня. Прибыли в Арчак. Милое озеро. Тополя. Кладбище с камнями. Разрушенная церковь, череп. Сипан! Арчак. 48 верст от Сарая. /3-ья ночь/. Меланхолическое озеро. <...> Было 3000 жителей. Осталось 70. Все разрушено. Уютные усадьбы в развалинах, молодые тополя звенят жалобно, кукушка плачет, собаки бродят, ведавшие человеческое мясо. Церковь в развалинах. Не снятый хлеб на полях. Взошла луна. Сипан накрылся облаком. Кое-где роются в развалинах возвратившиеся беженцы [4. С. 21].

В очерке для «Русского слова» Городецкий описывает эту картину более эмоционально, но все равно опускает самые страшные детали, вероятно опасаясь цензуры или не желая шокировать читателей:

И вдруг ярко-синим, треугольным лоскутком сверкает между горами Арчак – тихое озеро. Как мирно жили на его берегу, за оградами тополевых садов! Три тысячи было жителей. Земли было много. <...> И вот все разрушено. Церковь осквернена. Семьдесят стариков и старух – всё, что осталось. Зато растолстевшего воронья не счесть, костей не собрать, пепла не развеять. Всюду запустение. На полях согбенные фигуры беженцев, собирающих прошлогоднюю пшеницу [18. С. 5].

Совсем иначе эти же впечатления переданы год спустя на страницах «Кавказского слова»:

Помню, приехал я в первый раз в Арчак. Арчакское озеро – прелюдия Ванского, милое, изящное, воздушное, в плывущей, как панорама, рамке гор. На берегу его селение. Когда-то цветущее, теперь в развалинах. <...> Посреди села церковь – одни стены. Я вошел. Груды мусора, воронье, трупный запах, кости и черепа. А на алтарной стене еще райского цвета росписи. <...> Долго нельзя уйти от этих развалин. Крыши нет, стены разрушены до высоты окон: от звонницы осталось два столба с перекладиной, ниши в стенах обуглены и закопчены. <...> ...Вы слышите тяжелый запах, идущий от бесформенных груд пепла, щебня и камней. Это – свежие могилы. Это – кости ваших современников. А маленькие кости – они детские. Здесь не только настоящее, здесь будущее погребено [31. С. 2].

Образ разрушенной церкви, упомянутой в первом очерке, подробно описывается во втором, вытесняя остальные детали (неубранные поля, тополя) или, напротив, вбирая их в себя (кладбище, камни, воронье, пепел). Очевидно, что теперь поэт не вуалирует ужасные впечатления, а наоборот, заостряет их, заставляя читателя пережить его потрясение от увиденного. Нельзя исключать, что в последнем отрывке Городецкий совмещает пребывание в Арчаке с посещением другой разрушенной церкви, что объяснило бы отсутствие столь тяжелого в своих подробностях описания в путевых заметках. На такую возможность косвенно указывает сам автор, заявляя, что «трагедия маленькой арчакской церкви – трагедия целого народа, что такими церквями покрыта Армения» [Там же].

Это подтверждает и интересующее нас стихотворение, созданное, судя по всему, на основе текста записной книжки:

С каждым утром тополя Расцветают краше. О, армянская земля, Мученица наша!	С церкви сорвана глава, У могил разрытых Плачут кроткие слова На могильных плитах.
Вот опять идет весна. Где же дети, девы? Гладь озерная ясна. Где, армяне, где вы?	И кукушка среди садов Носится, рыдает. На развалинах домов Ворон кость глодает.
Горе озеро таит, Кости в поле тлеют. Хлеб несобранный лежит, Новый хлеб не сеют.	Две старухи под стеной Прячутся в лоскутья. Дышит ветер ледяной Голодом и жутью.
Там, где был приют красы, Сельской жизни счастье, Бродят сумрачные псы С одичавшей пастью.	Далеко стоит Сипан, Укрываясь в тучи. В буре битв сгорел вулкан И потух могучий.
	Кровью к небу вопиет Сердце Айастана. Но и вечный небосвод Весь в слезах тумана [32. С. 7–8].

Отметим, что все строфы стихотворения, кроме последней, вырастают из деталей, внесенных Городецким в записную книжку: тополя, озеро, несобранный хлеб, отсутствие жителей, кроме стариков и старух, воронье, бродячие собаки, могилы, развалины, разрушенная церковь, плач кукушки, закрытый облаками Сипан — весь предметный мир произведения создан поэтом на основе путевых записей. В результате приведенное стихотворение текстологически оказывается гораздо ближе к исходному эгодокументу, чем процитированные очерки, публицистическая направленность которых заставляет поэта либо заглушать, либо усиливать реальные впечатления в зависимости от характера газеты, времени публикации и собственных целей. Художественный текст оказывается свободен от подобных тенденций и — парадоксальным образом — более приближен к действительности.

В то же время, как отметил Ю.С. Даронян, и очерки, и стихотворения Городецкого о Западной Армении создаются «в излюбленной поэтом композиционной манере — на контрасте света и тени: наступление весны, пробуждение природы, цветение садов и разрушение всего живого, омертвление, смерть» [9. С. 20]. Оставаясь художественным приемом в «Ангеле Армении», этот контраст прямо декларируется в публикациях и в «Русском слове», и в «Кавказском слове»: «Красавицы ветки всюду просовывались в развалины, обвивали их и осыпали лепестками. Контраст зияющей смерти и разрушения с непобедимой весной был потрясающим. А смерть, не стесняясь, показывала свои язвы» [18. С. 5]; «Этот потрясающий контраст жизни и смерти, природы и войны все время держит душу на каких-то ледяных высотах. В рамке райского пейзажа — жуткие руины. В безмятежно-ясном небе — тучи воронья» [33. С. 2].

Роман «Сады Семирамиды», действие которого разворачивается осенью 1916 г. в Западной Армении и Персии, демонстрирует другой случай текстуальной трансформации, когда путевые очерки становятся претекстами художественного произведения. Городецкий не скрывал, что в «Садах Семирамиды» отражены «армянские впечатления тех лет» [2. С. 144], однако сопоставление текста романа с газетными публикациями показывает, что автор опирался в первую очередь на них, давая персонажам имена и биографии знакомых ему людей. Героями романа становятся полковник А.И. Термен, детальный портрет которого дан Городецким в очерке «Ванский губернатор», уполномоченный Союза городов в Ване К.С. Амбарцумян («парон Костя»), епископ Даниил Вардапет и воин Грегор Бомарский, чьи образы запечатлены в очерке «Ванские портреты», житель Вана Акоп, с юмором описанный в «Согорском проспекте», заведующий питательным пунктом Согора Мосиан (Мосьян), упоминавшийся в «Песнях курдов» и «Золотых вечерах», уже знакомый нам курд Берги-бек и другие люди, с которыми встречался Городецкий во время своего пребывания в Западной Армении.

Более того, в романе автор раскрывает имена некоторых героев своих газетных публикаций, скрытые из цензурных соображений: прибывший из Америки капитан Ч., описанный в одноименном очерке [34. С. 4], в романе назван капитаном Чингальяном [35. Т. 2. С. 40], начальник Ванского отряда — «милый старикашка, гнилой осколок старого режима» [36. С. 2], которого Городецкий в другом месте называет «генерал Тетушкин» [25. С. 2], получает в романе реальное имя: генерал Воронов [35. Т. 2. С. 85], тогда как генерал Дядюшкин [25. С. 2], приехавший в Ван с ревизией, становится генералом-ревизором Ладогиным [35. Т. 2. С. 42].

Рассмотрим связь романа с газетными публикациями Городецкого на примере одного из главных героев «Садов Семирамиды» — армянина Пахчана (Пахчаньяна), отправляющегося в Ван на поиски своей сестры Шамирам. С его прототипом мы знакомимся в очерке «Голубые берега»: «В Панзе меня ждал <...> мой будущий сотрудник Пахчаньян <...>. Мой Пахчаньян жил с отцом, матерью, братьями и сестрами в Ване — большая была семья. Турки убили всех, кроме него и его брата, которые спаслись» [16. С. 2].

В романе Городецкий заменяет уцелевшего брата младшей сестрой для усиления мотивации главного героя, сохраняя при этом некоторые аспекты биографии реального Пахчаньяна, например историю рода:

Двести примерно лет тому назад русский крестьянин – фамилия его неизвестна – убил своего помещика за истязания крестьян. Успел бежать и достиг Персии. Там его хотели задержать, он бежал в Армению, ужился и обвык там, женился на армянке и развел семью. На все вопросы о своем имени отвечал неизменно одно и то же: Пахчан, что значит беглец. Оттуда и пошла фамилия Пахчаньянов – очень плодovitая, имеющая отпрысков и в России, и в Америке [Там же].

В романе эта история развернута в диалоге двух героев, сидящих вместе с друзьями вокруг костра:

– Пахчан, а ведь у тебя тоже, должно быть, интересная жизнь, – обратился к нему Христофор, – ведь имя твое значит «беглец». Расскажи, откуда и как ты бежал.

– У меня никакой жизни нет!

– Ты хочешь сказать, что у тебя бедная биография?

– Нет! География большая!

Христофор хотел его поправить, но Пахчан уже разогнался...

– Ты спрашиваешь, откуда бежал Пахчан? Из России. Это было двести лет тому назад.

Хохоток поднялся над костром из темноты, где сидели гости <...>.

– Я не вру! – обиделся Пахчан, – двести лет тому назад первый из Пахчанов – я не знаю, как его тогда звали – бежал из России.

– Так ты, значит, русский?

– Я армянин! – закричал Пахчан, вставая.

– Это интересно! Рассказывай! Почему первый Пахчан бежал из России?

– Почему? Очень просто почему. Он убил своего помещика. Почему убил? Очень просто почему. Помещик его выпорол. Почему выпорол? Очень просто почему. Моего предка вместе с другими крестьянами подарила этому помещику царица Екатерина, и он делал с ними что хотел. А Пахчаны все упрямые. Первый Пахчан бежал в Персию. Царица велела шаху его поймать. А он убежал в турецкую Армению, женился на армянке и обзавелся семьей. Большой семьей. Ее вырезали вот теперь. Я один остался и сестра моя Шамирам. Кроме нас, Пахчаны есть и на Кавказе, и в Америке. Вот какая большая у меня география [35. Т. 2. С. 100].

Отметим, что даже такая мелкая деталь, как смешение отдельных слов русского языка (в данном случае «биографии» и «географии») в речи Пахчана, вносящая небольшую долю комизма в этот в целом героический образ, взята Городецким из собственных очерков:

Он никак не мог понять разницы между рисом и рысью, угощая меня «рысью» и убеждая ехать всегда «рисом» <...>. Жилистый, упорный, не сдающийся Пахчан стоит рядом с вами. У него свои думы:

– А будет у нас в Ване извезда?

– Какие звезды?

И только через несколько верст вы поймете, что дело идет об извести, необходимой для дезинфекции. <...>

– Пахчан, вы грамотны?

– Я писать умею, только без арифметики, – отвечает он и после паузы с детски невинной улыбкой поправляется: грамматики [16. С. 2–3].

С другой стороны, автор романа не обходится без художественной трансформации жизненно-го материала, внося изменения в биографию героя или контаминируя в одной сцене элементы совершенно разных ситуаций. Так, вспоминая посещение орговского питательного пункта, находящегося на пути из Игдыря в Ван, Городецкий пишет: «В книге отзывов мне бросилась в глаза такая запись прапорщика: “Как пища, так и гостеприимство персонала поражают своими размерами”» [20. С. 2]. В романе на этом же пункте похожую запись оставляет герой: «Пахчан жадно проглотил стакан горячей воды с разведенным в ней сладким молоком и по просьбе заведующего записал в книге для посетителей искреннее свое впечатление: “Гостеприимство поражает своими размерами. Пахчан”» [35. Т. 2. С. 16].

В то же время Городецкий намеренно героизирует своего персонажа, подчеркивая его стремление найти сестру, несмотря на усталость и полученное ранение («...как ему трудно было ехать из Тифлиса в прифронтовой толчее, как ему нужно было бы еще полежать в лазарете»

[Там же. С. 7]), чего не было в очерках, где Пахчаньян представлен (нередко в ироничном свете) простым работником пищевого пункта: «Он был заведующим чайной, которую не то недооткрыли, не то недозакрыли. Ютился он в сарайчике <...> и вместе с кипятильником, единственным, кроме флага, предметом его инвентаря, выезжал на большую дорогу поить и отогреть беженцев» [16. С. 2]. Однако семантическая связь персонажа с чайной сохраняется и в романе: в первой главе Пахчан проводит почти весь день в чайхане, ожидая наступления вечера и вспоминая своих родных.

В других случаях Городецкий наделяет своего героя чертами собственной биографии: «передает» Пахчану свою лошадь (ср.: «Моя Марья не отставала. Трава часто была лошади по пояс» [20. С. 2]; «Пахчан, подгоняя рыжую ленивую Марью <...> скакал в туче известковой пыли к дому генерал-губернатора Термена» [35. Т. 2. С. 78]), свою работу — организацию приюта и спасение ванских сирот (ср.: «...я вез будущее Армении: шесть фургонов детей. <...> Наш ванский приют всегда был гордостью Согора. Работа в нем всегда давала наибольшее удовлетворение» [21. С. 2]; «Я нахожусь в распоряжении особоуполномоченного по устройству беженцев. Моя цель — собрать и спасти детей. Я здешний, ванский житель. <...> Я отвожу детей на север. В Игдырь» [35. Т. 2. С. 83–84]), делает Пахчана гостем свадьбы в полуразрушенном доме, на которой был сам (ср.: «И новую завязь семьи на развалинах Вана я видел: был на свадьбе. Дом с вывороченными окнами, с неполной крышей, но свой, отцовский дом» [26. С. 2]; «Ва! Это дом? — спросил Пахчан. — А где крыша?» Между стропил сияло зеленоватое вечернее небо. “Сейчас дождей нет, а к зиме будет и крыша. <...> Дом старый, крепкий. Дед строил”» [35. Т. 2. С. 92]).

Из воспоминаний поэта мы также знаем, что история с купленным Пахчаном у казаков конем, который оказался слепым («Слушай, Пахчан! Лошадь твоя слепая! <...> Они прошли к лошадям, и долго мелкие огоньки их спичек мелькали в темноте перед мордой гунтера. Гунтер раздувал ноздри от запаха серы, но зрачки его никак не реагировали на свет» [Там же. С. 41–42]), на самом деле произошла в реальности с самим Городецким: «На казачьем стане, купив рублей за двести ломовую лошадь <...> я с двумя ночевками в пути вернулся в Ван. <...> Мой спутник, манипулируя со спичками, установил при общем утверждении, что лошадь слепая. Но меня утешало то, что я и на слепой лошади доехал» [8. С. 83].

Аналогичным способом построены многие эпизоды «Садов Семирамиды», образы и мотивы для которых Городецкий заимствует из собственных очерков, сохраняя их в первоначальном виде и внося лишь небольшие изменения. Можно даже генетически связать конкретные главы романа с их газетными претекстами. Так, глава «Генерал-патриарх» явно создавалась на основе очерка «Ванский губернатор» из «Кавказского слова», в то время как глава «Генерал-ревизор и его спутники» — на основе очерка «Встреча с курдами» из «Русского слова».

Таким образом, можно заключить, что рассмотренные публикации Городецкого в столичной и региональной газетах имеют ряд общих признаков и составляют структурно-семантическое единство. Его интегрирующими компонентами являются биографический нарратор, сквозные герои и события, формирующие метасюжет и определяемые личностью автора, а также его деятельностью на Кавказском фронте. Косвенным подтверждением этого единства является создание Городецким одних и тех же художественных произведений на основе публикаций из разных газет. Это доказывает, что сам поэт рассматривал свои очерки как метатекстовое образование, аналогичное художественному циклу. В пользу этого говорит и ранняя автобиографическая записка Городецкого, отправленная вместе с письмом Л. Рейснер 1 августа 1920 г. Выделяя важные этапы своей жизни, он характеризует свое пребывание на Кавказе следующими словами: «VIII период. Фронт. Перелом под влиянием работы на фронте. Изучение Востока. Армения. Персия. Революция. Роман “Алый смерч”. “Ангел Армении”. Очерки Вана» [37. С. 189]. Сам факт объединения в рамках одного жизненного периода книги стихов, романа и очерков говорит о тесной внутренней связи данных текстов, по крайней мере в сознании их автора.

Литература

1. *Городецкий С.М.* Жизнь неукротимая: статьи. Очерки. Воспоминания / сост., послесл. и примеч. В. Енишерлова. М.: Современник, 1984. 256 с.
2. *Енишерлов В.* «...Опасное право — быть судимым... по законам для немногих»: из архива Сергея Городецкого // Наше наследие. 2001. № 56. С. 139–173.
3. *Городецкий С.* Стихи. М.: Художественная литература, 1966. 270 с.
4. *Закарян А.* Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье (1916–1921 гг.). Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2016. 230 с.
5. *Кузнецова Н.И., Ханукаева И.В.* С.М. Городецкий // Русские советские писатели. Поэты: библиографический указатель. Т. 6. М.: Книга, 1983. С. 138–238.
6. *Никольская Т.Л.* С.М. Городецкий в Грузии (1917–1919): материалы к библиографии // De Visu. 1993. № 9 (10). С. 59–63.
7. *Субботин С.И.* С.М. Городецкий в газете «Кавказское слово» (1918) и ее преемницах (1919): новые материалы к библиографии // De Visu. 1994. № 5/6 (16). С. 116–117.
8. *Городецкий С.М.* Об Армении и армянской культуре / под ред. и с предисл. Г.Б. Гарибджаняна; сост., вступ. ст. и коммент. И.Р. Сафразбекян. Ереван: Айастан, 1974. 220 с.
9. *Даронян Ю.С.* Сергей Городецкий и Армения. Ереван: Айастан, 1985. 116 с.
10. *Закарян А.* Сергей Городецкий в Западной Армении и Закавказье // Вопросы литературы. 2016. № 4. С. 373–377.
11. *Киселев В.С.* Коммуникативная природа метатекстовых образований // Вестник Томского государственного университета: бюллетень оперативной научной информации. 2004. № 23. С. 6–41.
12. *Холиков А.А.* Прижизненное полное собрание сочинений как структурно-семантическое единство в творчестве русских писателей (Д.С. Мережковский): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014.
13. *Земство и города: без подписи* // Кавказское слово. 1916. 15 апреля (№ 84).
14. *Городецкий С.* Армении // Кавказское слово. 1916. 21 апреля (№ 89).
15. *Городецкий С.* Армении // Армянский вестник. 1916. 1 мая (№ 14).
16. *Городецкий С.* Голубые берега // Кавказское слово. 1917. 23 июля (№ 163).
17. *Городецкий С.* Хой // Русское слово. 1916. 7 (20) июня (№ 130).
18. *Городецкий С.* Разоренный рай // Русское слово. 1916. 29 июля (11 августа) (№ 175).
19. *Городецкий С.* Согорский проспект // Русское слово. 1916. 31 июля (13 августа) (№ 177).
20. *Городецкий С.* Спящие вулканы // Кавказское слово. 1917. 20 июля (№ 160).
21. *Городецкий С.* В стране ручьев и вулканов. XI: Ночной отход // Кавказское слово. 1917. 14 сентября (№ 205).
22. *Городецкий С.* Чада Мар-Шимуна // Русское слово. 1916. 23 августа (5 сентября) (№ 194).
23. *Городецкий С.* Встреча с курдами // Русское слово. 1916. 31 августа (13 сентября) (№ 201).
24. *Городецкий С.* Библейские беды // Русское слово. 1916. 30 октября (12 ноября) (№ 251).
25. *Городецкий С.* В стране ручьев и вулканов. VI: Ванский губернатор // Кавказское слово. 1917. 10 августа (№ 178).

References

1. *Gorodetsky S.M.* Zhizn' neukrotimaia: stat'i. Ocherki. Vospominaniia / sost., poslesl. i primech. V. Enisherlova. Moscow: Sovremennik, 1984. 256 s.
2. *Enisherlov V.* "...Opasnoe parvo — byt' sudimym... po zakonom dlia nemnogh'i": iz arhiva Sergeia Gorodetskogo // Nashe nasledie. 2001. No. 56. S. 139–173.
3. *Gorodetsky S.* Stihy. Moscow: Hudozhestvennaia literatura, 1966. 270 s.
4. *Zakaryan A.* Sergey Gorodetsky v Zapadnoi Armenii i v Zakavkaz'e (1916–1921 gg.). Erevan: Izd-vo "Gitutium" NAN RA, 2016. 230 s.
5. *Kuznetsova N.I., Hanukaeva I.V.* S.M. Gorodetsky // Russkie sovetskie pisateli. Poiety: bibliografi-cheskii ukazatel'. T. 6. Moscow: Kniga, 1983. S. 138–238.
6. *Nikolskaya T.L.* S.M. Gorodetsky v Gruzii (1917–1919): materialy k bibliografii // De Visu. 1993. No. 9 (10). S. 59–63.
7. *Subbotin S.I.* S.M. Gorodetsky v gazete "Kavkazskoe slovo" (1918) i ee preemnicah (1919): novye materialy k bibliografii // De Visu. 1994. No. 5/6 (16). S. 116–117.
8. *Gorodetsky S.M.* Ob Armenii i armianskoi kul'ture / pod red. i s predisl. G.B. Garibdzhanyana; sost., vstup. st. i komment. I.R. Safrazbekyan. Erevan: Aiastan, 1974. 220 s.
9. *Daronyan Yu.S.* Sergey Gorodetsky i Armenia. Erevan: Aiastan, 1985. 116 s.
10. *Zakarian A.* Sergej Gorodeckii v Zapadnoi Armenii i Zakavkaz'e // Voprosy literatury. 2016. No. 4. S. 373–377.
11. *Kiselev V.S.* Kommunikativnaia priroda metatekstovych obrazovaniy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: biulleten' operativnoi nauchnoi informacii. 2004. No. 23. S. 6–41.
12. *Kholikov A.A.* Prizhiznennoe polnoe sobranie sochinenii kak strukturno-semanticheskoe edinstvo v tvorchestve russkih pisatelei (D.S. Merezhkovskiy): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2014. 592 s.
13. *Zemstvo i goroda: bez podpisi* // Kavkazskoe slovo. 1916. 15 apreliia. No. 84.
14. *Gorodetsky S.* Armenii // Kavkazskoe slovo. 1916. 21 apreliia (No. 89).
15. *Gorodetsky S.* Armenii // Armianskii vestnik. 1916. 1 maia (No. 14).
16. *Gorodetsky S.* Golubye berega // Kavkazskoe slovo. 1917. 23 iuulia (No. 163).
17. *Gorodetsky S.* Hoi // Russkoe slovo. 1916. 7 (20) iunია (No. 130).
18. *Gorodetsky S.* Razorennyi rai // Russkoe slovo. 1916. 29 iuulia (11 avgusta) (No. 175).
19. *Gorodetsky S.* Sogorskii prospekt // Russkoe slovo. 1916. 31 iuulia (13 avgusta) (No. 177).
20. *Gorodetsky S.* Spiashhie vulkany // Kavkazskoe slovo. 1917. 20 iuulia (No. 160).
21. *Gorodetsky S.* V strane ruch'ev i vulkanov. XI: Nochnoi othod // Kavkazskoe slovo. 1917. 14 sentiabria (No. 205).
22. *Gorodetsky S.* Chada Mar-Shimuna // Russkoe slovo. 1916. 23 avgusta (5 sentiabria) (No. 194).
23. *Gorodetsky S.* Vstrecha s kurdami // Russkoe slovo. 1916. 31 avgusta (13 sentiabria) (No. 201).
24. *Gorodetsky S.* Bibleiskie bedy // Russkoe slovo. 1916. 30 oktiabria (12 noiabria) (No. 251).
25. *Gorodetsky S.* V strane ruch'ev i vulkanov. VI: Vanskii gubernator // Kavkazskoe slovo. 1917. 10 avgusta (No. 178).

26. *Городецкий С.* В стране ручьев и вулканов. X: Жизнь неукротимая // Кавказское слово. 1917. 7 сентября (№ 200).

27. *Городецкий С.* В стране ручьев и вулканов. IX: Бегри-бек и курды // Кавказское слово. 1917. 3 сентября (№ 197).

28. *Городецкий С.* В стране ручьев и вулканов. IV: Древности Вана // Кавказское слово. 1917. 3 августа (№ 172).

29. *Гуцын Л.С.* Ванская экспедиция петербургских востоковедов в 1916 г. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 35–43.

30. Археологическая экспедиция 1916 года в Ван: раскопки двух ниш на Ванской скале и надписи Сардура Второго из раскопок Западной ниши: доклады Н. Марра и И. Орбели. Пг.: Академическая типография, 1922. 68 с.

31. *Городецкий С.* В стране ручьев и вулканов. VIII: Храмы Ормузда, Христа и Аллаха // Кавказское слово. 1917. 24 августа (№ 189).

32. *Городецкий С.* Ангел Армении: стихотворения. Тифлис: [б.и.], 1918. 28 с.

33. *Городецкий С.* В стране ручьев и вулканов. VII: Золотые вечера // Кавказское слово. 1917. 20 августа (№ 186).

34. *Городецкий С.* Капитан Ч. // Русское слово. 1916. 17 (30) ноября (№ 266).

35. *Городецкий С.* Избранные произведения: в 2 т. Т. 2: Проза. М.: Художественная литература, 1987. 574 с.

36. *Городецкий С.* В стране ручьев и вулканов. V: Ванские портреты // Кавказское слово. 1917. 6 августа (№ 175).

37. Автобиография С.М. Городецкого / публ. Н.А. Такташевой // Русская литература. 1969. № 3. С. 186–190.

26. *Gorodetsky S.* V strane ruch'ev i vulkanov. X: Zhizn' neukrotimaia // Kavkazskoe slovo. 1917. 7 sentiabria (No. 200).

27. *Gorodetsky S.* V strane ruch'ev i vulkanov. IX: Begri-bek i kurdy // Kavkazskoe slovo. 1917. 3 sentiabria (No. 197).

28. *Gorodetsky S.* V strane ruch'ev i vulkanov. IV: Drevnosti Vana // Kavkazskoe slovo. 1917. 3 avgusta (No. 172).

29. *Gushhyan L.S.* Vanskaia ekspeditsiia peterburgskikh vostokovedov v 1916 g. // Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia. 2017. No. 1. S. 35–43.

30. Arheologicheskaia ekspeditsiia 1916 goda v Van: raskopki dvuh nish na Vanskoi skale i nadpisi Sardura Vtorogo iz raskopok Zapadnoi nishi: doklady N. Marra i I. Orbeli. Petrograd: Akademicheskaiia tipografiia, 1922. 68 s.

31. *Gorodetsky S.* V strane ruch'ev i vulkanov. VIII: Khramy Ormuzda, Khrista i Allaha // Kavkazskoe slovo. 1917. 24 avgusta (No. 189).

32. *Gorodetsky S.* Angel Armenii: stihotvoreniia. Tiflis: [b.i.], 1918. 28 s.

33. *Gorodetsky S.* V strane ruch'ev i vulkanov. VII: Zolotyie vechera // Kavkazskoe slovo. 1917. 20 avgusta (No. 186).

34. *Gorodetsky S.* Kapitan Ch. // Russkoe slovo. 1916. 17 (30) noiabria (No. 266).

35. *Gorodetsky S.* Izbrannyye proizvedeniia: v 2 t. T. 2: Proza. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1987. 574 s.

36. *Gorodetsky S.* V strane ruch'ev i vulkanov. V: Vanskii portrety // Kavkazskoe slovo. 1917. 6 avgusta (No. 175).

37. Avtobiografiia S.M. Gorodetskogo / publ. N.A. Taktashevoi // Russkaia literatura. 1969. No. 3. S. 186–190.

Филатов Антон Владимирович,

кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры теории литературы
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
старший научный сотрудник
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Filatov Anton V.,

Candidate of Philology,
Lecturer of the Theory of Literature Department
Lomonosov Moscow State University;
Senior Scientific Researcher
Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

e-mail: avfilatov@yandex.ru

